

III. INTERPRETATION OF THE MEANING OF FICTIONAL TEXT

ФЕНОМЕН ИДЕЙНО-СУБЪЕКТНОЙ ПОГРАНИЧНОСТИ В КОММУНИКАТИВНОМ СТРОЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Е. В. Локтевич

Магистр,
Белорусский государственный
университет,
г. Минск, Беларусь

Summary. The article presents a systematic analysis of the subject organization of Russian lyrics of the early XX century. The essence of the phenomenon of ideological-subjective borderline is determined. The parameters of variability of subject-object relations in the poetic text are characterized.

Keywords: the ideological-subjective borderline; lyrical hero; communicative strategy; subjective organization; phenomenon.

В начале XX в. в русской поэзии актуализируется и функционирует феномен *идейно-субъектной пограничности (ФИСП)*, свидетельствующий о пребывании лирического героя на «границе» разных философских и религиозных идей, проявившемся в межсубъектности. Источники этой пограничности – субъект сознания и идея – в структуре поэтического текста чаще всего неупорядочены, могут смещаться, смешиваться, замещаться и взаимодействовать посредством интерференции. ФИСП как ментальное образование указывает на феноменологию пограничных связей субъекта и его идейных ипостасей.

Исследуемый феномен соотносится с литературоведческими категориями, предложенными Б. О. Корманом (*субъектная множественность, многосубъектность, поэтическое многоголосье*) и С. Н. Бройтманом (*межсубъектная целостность и субъектный неосинкретизм*). Однако онтология ФИСП восходит к наиболее общим закономерностям функционирования лирического переживания, осмысленным через частные (вариативные) формы реализации субъектно-объектных отношений на разных уровнях (*идейном, субъектном, образном*) поэтического текста. Эти закономерности выявляются и интерпретируются в связи с генезисом их философско-эстетических оснований, что позволяет обнаружить обозначенный нами феномен.

Один из уровней структуры ФИСП – *субъектная пограничность* – демонстрирует причины и принципы трансформации коммуникативных стратегий. Характер межсубъектности (пограничности) статуса лирическо-

го героя определяется степенью усложненности (идейной многовекторности) ценностных ориентаций. Стремление к познанию мировоззрения другого субъекта или объекта приводит лирического героя к идейно-субъектной смежности, позволяет обнаружить специфические пересечения противоречивых идей и концепций, побуждает субъектов и объектов сознания к множественным перевоплощениям. Эти процессы давали герою начала XX в. возможность: а) остаться на границе (между своей и чужой территориями); б) перейти на сторону другого субъекта / объекта сознания; в) вернуться в пределы своего онтологического измерения; г) перемещаться в области разных мировоззренческих систем.

Ю. В. Казарин указывает на наличие особой духовной организации лирики, которая обеспечивается уникальностью философско-эстетических воззрений высшего субъекта сознания [4]. Поэтический текст, по мнению исследователя, – «это единица духа, знак духа; это явление не столько языковое, сколько ... нечто необъяснимо драгоценное, как язык, время и жизнь» [5, с. 403]. Отмечая особую сложность поэзии, ученый подчеркивает, что компоненты ее «структурно-смыслового и функционального планов могут вступать и не вступать в отношения иерархии» [5, с. 403]. Эти особенности поэтического текста проясняют причины вариативности субъектной организации лирики начала XX в.

Изменение субъектной ситуации в поэзии становилось способом реализации индивидуального переосмысления онтологических проблем, всех видов реальности. Специфика авторской трактовки категорий бытие, небытие и инобытие, по нашему мнению, является одним из важнейших механизмов, вызвавших формирование в русской лирике начала XX в. *трех типов субъектной организации* (взаимозаменяемого, иерархического и уравнивающего; ВТСО, ИТСО, УТСО) [7, с. 79–81], пересечение или соединение которых реализовалось через ФИСП. ИТСО может иметь восходящую (возвышенную) и нисходящую (низменную) направленность (ИТСО ВН и ИТСО НН). Отметим, что вне вариативности ВТСО, ИТСО и УТСО встречаются крайне редко. Это связано с актуализацией в творчестве поэтов начала XX в. принципов нетрадиционалистской поэтики, требующих синтеза форм реализации диалогических взаимодействий между субъектами и объектами поэтического текста.

Продемонстрируем процесс субъектно-объектных трансформаций на конкретных примерах реализации разных художественных принципов в лирике А. Блока, С. Городецкого и С. Клычкова.

УТСО. Вопрос о сущности добра и зла является для лирического героя А. Блока источником двойничества, а потому недоверия и одиночества; эту межсубъектность можно обнаружить уже в ранней лирике поэта: «Я надел разноцветные перья, / Закалил мои крылья – и жду. / Надо мной, подо мной – недоверье, / Расплывается сумрак – я жду... / Но сверкнут мои белые крылья, / И сомкнутся, сожмутся они, / Удрученные снами бессилья, / Засыпая на долгие дни» [1, с. 84–85].

Специфика активного параллельного сознания – двойника лирического героя – отсылает к другим стихотворениям А. Блока («Здесь и там» [2, с. 187], «Двойник» [2, с. 226], «Демон» [2, с. 235, 262] и др.), анализ которых проясняет детали образа «в туманном плаще» [2, с. 340]: 1) «Кто-то белый»: «Заметал снегами сани, / ... Строил башни из тумана, / И кружил, и пел в тумане, / И из снежного бурана / Оком темным сторожил» [2, с. 187]; 2) «Стареющий юноша», «образ печальный»: «Однажды в октябрьском тумане, / Я брел, вспоминая напев <...> / И вот – в непроглядном тумане / Возник позабытый напев <...> / Вдруг вижу – из ночи туманной, / Шатаюсь, подходит ко мне / Стареющий юноша (странно / Не снился ли мне он во сне?) <...> / И шепчет: “Устал я шататься, / Промозглым туманом дышать” <...> / Быть может, себя самого / Я встретил на глади зеркальной?» [2, с. 227]; 3) «Демон» как идейно-субъектная аллюзия одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова, обращенная к идеальному реципиенту: «Я горный, навеки без сил...» [2, с. 235], «Блуждал среди чужих...» [2, с. 235], «В томленьи твоём исступленном» [2, с. 235]; 4) «Демон»: «Иди, иди за мной – покорной / И верною моею работой» [2, с. 263], «Я пронесу тебя над бездной, / Ее бездонностью дразня» [2, с. 263], «И на горах, в сверканьи белом» [2, с. 263], «Ты полетишь, как камень зыбкий, / В сияющую пустоту» [2, с. 263].

Во всех стихотворениях находим указания на: 1) туманность, снежность, неясность образа вторичного субъекта сознания; 2) усталость, томленье и страх лирического героя; 3) увлечение героя «печальным» искусителем к краю бездны (к границе), к пустоте небытия. Таким образом, вторичный субъект сознания «в туманном плаще» – представитель чужой территории, призывающий героя к покорной смерти, к отказу от терпения страданий, им же вызванных. Но так как этот субъект – двойник лирического героя, образ «на глади зеркальной» [2, с. 227], то пребывание на границе разных мировоззренческих установок обретает устойчивый характер, указывает на УТСО: «Что б ни было, всю ложь, всю мудрость века, / Душа, забудь, оставь... / Снам бытия ты предпочла отвеса / Несбыточную явь» [2, с. 358]. Так в лирике А. Блока осуществляется целевое уравнивание субъектов сознания.

ВТСО+ИТСО. Синтез этих типов субъектной организации проявлен в стихотворении А. Блока «Мы живем в старинной келье...»: «Мы живем в старинной келье / У разлива вод. / Здесь весной кипит веселье, / И река поет» [1, с. 18]. Синкретизм божественного и природного планов бытия также представлен и параллелизмом второй строфы: «Но в предвестие веселий, / В день весенних бурь / К нам прольется в двери келий / Светлая лазурь» [1, с. 18]. Итогом устремлений лирического героя становится бездорожье, поиск несказанного света, что раскрывает духовные искания поэта в контексте нового религиозного сознания эпохи рубежа XIX–XX вв.

Неорелигиозный синтез представлен в лирике С. Городецкого «И рвал и метал, и болел и томился...»: «И рвал и метал, и болел и томился: /

Сойди, низойди, ороситель полей! / Пустой наготы небосвод не стыдился, / И канул в небывшее ливень-елей. / Сгорело мольбою лицо истомленное. / Наутро закапана розами гладь. / И поле дымится, туманом смущенное: / Росой заревою сошла благодать» [3, с. 52].

Субъект сознания стремится соединить на идейном уровне текста язычество и христианство, намеренно подчеркивая их нераздельную цельность. В данном случае ФИСП проявляется в двусмысленности первых стихов, формально представляющих собой заклинание-молитву. Молитва христианина смиренна, а герой С. Городецкого «И рвал и метал, и болел и томился» [3, с. 52], требовал исполнения желаемого.

ИТСО (ВН и НН)+УТСО. Концепция стихотворения «Когда в листве сырой и ржавой...» А. Блока строится на сопоставлении лирического героя с Христом: «Когда в листве сырой и ржавой / Рябины заалеет гроздь, – / Когда палач рукой костлявой / Вобьет в ладонь последний гвоздь, – / Когда над рябью рек свинцовой, / В сырой и серой высоте, / Пред ликом родины суровой / Я закачаюсь на кресте» [1, с. 64].

Высший субъект сознания (автор) намеренно подчеркивает это сходство, что характерно для УТСО: «В глазах – такие же надежды, / И то же рубище на нем. / И жалко смотрит из одежды / Ладонь, пробитая гвоздем» [1, с. 64]. Однако последняя строфа стихотворения в сущности является молитвой, что указывает на восстановление ИТСО попеременно ВН и НН: «Христос! Родной простор печален! / Изнемогаю на кресте! / И челн твой – будет ли причален / К моей распятой высоте?» [1, с. 64] В этих стихах переплетены смирение и дерзость, надежда и отчаяние, любовь и ненависть, представленные посредством внутреннего, неявного диалога. Удерживающее в рамках ИТСО звено – отсутствие игрового пафоса, игнорирование уравнивающего принципа, однако ФИСП неизменно влияет на ценностные ориентации лирического героя, на его религиозное самоопределение. Развитие в лирике А. Блока темы распятия продемонстрировано в стихотворении «Приявший мир, как звонкий дар...», где актуализирован ФИСП, реализованный в субъектной сфере через бинарные оппозиции с пространственным значением (*город-комната; здесь-там*) и двойственность состояния лирического героя (ему *жутко* и *светло*): «Я здесь, в углу. Я там, распят. / Я пригвожден к стене – смотри!» [1, с. 66]

Во время ироничных «заигрываний» герой С. Городецкого нередко прибегает к откровенной дерзости, отвергая значимость для него высшего субъекта сознания и тем самым ликвидируя иерархию (ИТСО) в отношениях «Творец-творение», «Бог-человек»: «Я далекий, я нездешний, / На земле я только миг. / Всюду вечный, здесь я вешний, / Сам – господь своих вериг» [3, с. 34]. Подобное перевоплощение – указание на востребованность в лирике поэта идейной основы УТСО, обнажающей проявления ФИСП: «Расцветает, голубеет, / Зеленеет – это я. / Посветлеет, заалеет – / Это зов: зовут меня» [3, с. 34].

Лирический герой не знает, кто и куда его зовет, но это оказывается несущественным, ведь у него нет необходимости в выборе пристанища: «Я под солнцем беспечальным / Верю светам изначальным, / Изливаемым во тьму. / Сумрак – женское начало, / Сумрак – вечное зачатие, / Верю свету и ему [3, с. 34]. «Раздвоенность» души героя приводит его к утрате божественного ориентира, а это доводит до отчаяния, становится причиной размышлений о смерти: «Я оплакал себя, схоронил, / Отходную себе произнес. / Новый крест в куче старых могил / Бугорок надо мною вознес. / И не знаю, что делать теперь, / Что мне делать теперь без меня. / Обметая могильную дверь, / Поживу до девятого дня» [3, с. 45]. Субъект не просто играет со смертью, он призывает ее, желая прекратить свое земное существование и взглянуть в лицо небытия: «Я в гробу лежу и слышу: / Ветер дышит надо мной. / Я локтем приподнял крышу, / Стонет гроб мой парчевой. / Щель темна, узка и скрыта. / Кровь сочится из плеча. / Упаду опять в корыто, / Задужи меня, парча!» [3, с. 46]

ВТСО+УТСО. Фольклорная песенная традиция сочетается в лирике С. Клычкова с поиском новых духовных граней бытия. Намеренное соединение принципов поэтики синкретической эпохи с тенденциями неклассической поэтики вводит в субъектную организацию лирики поэта черты неосинтеза. Так, приемы олицетворения и непреднамеренного субъектно-объектного превращения / перемещения постепенно обретают обновленную семантику двойственности и черты символического антиномизма: «Ручеек бежит по лугу, / *А мой сад на берегу*, / Он стоит *невидим другу*, / *Невидим врагу*... / Не услышать другу гуслей, / Не гулять в моем саду, / А и сам-то я из сада / Ходу не найду!» [6, с. 60]

Пейзаж, введенный субъектом сознания, имеет миражные черты. Двойственное (*сад любви (+), печали (-)*) детальное описание сада в какой-то момент утрачивает значимость для воспринимающего сознания и объектов, так как не имеет воплощения в земной сфере. Проявленная иллюзорность тем не менее необходима герою в качестве зоны безопасности: «*Ой ли сад любви, печали*, / А в нем ветки до земли – Да они весной почали, / По весне цвели... <...> – / *Где встает туман по лугу* / *На высоком берегу*, / *Да где нет дороги другу*, / *Нет пути врагу!*...» [6, с. 60]

Лирический герой последовательно осматривает уникальную пограничную территорию: посредством земных категорий очерчивает инобытийный сад, в ирреальность которого он погружен как в действительность. ФИСП проявляется в «инверсии» реального / ирреального, земного / небесного, материального / духовного.

ВТСО→УТСО. Этот вид перехода отражен в стихотворении «Опять в печальной тишине...» С. Городецкого. Герой находится в инобытийном плену – во сне: «Опять в печальной тишине / *Недвижим сердцем* затихаю, / *И ничего опять не знаю*, – / *Все му внимаю*, как во сне» [3, с. 183–184]. Образ *затихшего сердца* дополняется образами, указывающими на гибель

субъекта: «*На мыслях цепкая узда, / Все скрыто тьмой неуловимой: / И очи дальние любимой, / И в небе дальняя звезда*» [3, с. 183].

Лирический герой стремится к избавлению от власти субъекта сознания, который не заявлен автором (черта ВТСО), а лишь «чувствуется» в идейной структуре художественного текста. Коммуникативная авторская стратегия говорит о попытке высшего субъекта сознания остаться не выявленным. Тем не менее, герой замечает, что действительность и сон – две стороны (бытие / инобытие → небытие) границы (УТСО), на которой он вынужден существовать. Этим замечанием лирический герой бросает вызов высшему субъекту сознания и заявляет об обоюдном проигрыше: «*Все круче горная стезя, / Под лавою все тише пламя, / И никакими-то словами / Расколдовать судьбы нельзя!*» [3, с. 184]

Область *судьбы=сна*, таким образом, становится для обоих субъектов сознания общим пространством (границей), разрушить которое не в силах ни один из них. Можно предположить, что игровое начало в субъектной организации стихотворения намеренно устанавливается автором и лирическим героем, определяя характер и степень реализации ФИСП.

ВТСО→ИТСО НН→УТСО. В творчестве А. Блока актуализирована разноуровневая многосубъектность: «*Есть лучше и хуже меня, / И много людей и богов, / И в каждом – метанье огня, / И в каждом – печаль облаков*» [1, с. 176]. Лирический герой этого стихотворения первоначально понимает людей и богов как целостность, что является реализацией множественности (ВТСО). Однако уже третья и четвертая строфы обнаруживают ценностную рефлексию героя в отношении духовности традиционного христианства: самонадеянность, гнев и властолюбие трансформируют ВТСО в ИТСО НН: «*Да буду я – царь над собой, / Со мною – да будет мой гнев, / Чтоб видеть над бездной глухой / Черты ослепительных дев! / Я сам свою жизнь сотворю, / И сам свою жизнь погублю*» [1, с. 176–177].

Герой пытается упразднить контролирующее начало авторской инстанции, поэтому в субъектной организации стихотворения исчезает как взаимозаменяемость (ВТСО), так и иерархичность (ИТСО) первичного и вторичного субъектов сознания. В последних двух стихах появляется тенденция к уравниванию (УТСО), выраженная формой игрового протеста: «*Я буду смотреть на Зарю / Лишь с теми, кого полюблю*» [1, с. 177]. Игровая плоскость произведения задается опять же временными категориями: будущее «прочитывается» героем как настоящее, однако субъекты предстоящего не определены (концепт любви тут – констатация возможности, воспринимаемой как факт). Сформированная пограничная территория, таким образом, фигурирует в качестве точки «включения» механизма субъектно-объектной трансформации.

ВТСО→ИТСО (ВН→НН)→УТСО. В стихотворении «Голоса» С. Городецкого многоголосье предстает в контексте его дешифровки лирическим героем, что выдает принципы ВТСО. Однако с первых же строк определена и граница (земное / небесное), вызванная неосинтезом языче-

ства и традиционного христианства (ИТСО + УТСО), в пределах которой оказался герой: «Целый день мне слышатся эти голоса. / *Стены ль* это плачутся, поют ли *небеса?* / *То бросают скалами* низкие басы, / Будто *строят храмину* божеской красы. / *То, как дети* ясные, звонки и чисты, / *Держат сердце в трепете* сладостной мечты» [3, с. 192].

Многоголосье отражает множественность точек зрения (прямо-оценочных и косвенно-оценочных), представленных в стихотворении. О тенденции к их уравниванию говорит некоторая обособленность вторичных субъектов сознания, представленных и в качестве субъектов речи (голосов): «Чутким ухом слушаю, думаю понять, / Но неуловимые стихнули опять. / И опять *возникнули – там ли, в высоте, / Или тут, за стенками, те же и не те?*» [3, с. 192] Еще одним доказательством перехода к УТСО становится «инверсия» субъектной организации стихотворения (ИТСО ВН→ИТСО НН), при которой *небесное* становится *земным*, но для лирического героя – в равной мере далеким и несбыточным «там»: «Силой сердце полнится, *видно, лучше там,* / Где *мои родимые* вверились слезам. / Мать ли понадеялась сына увидеть, / *Сестры ль сны увидели,* божью благодать? / Или ты, *любимая,* чуешь, что с тобой / Связан нерушимо я верною судьбой» [3, с. 192].

«Узловая точка» в идейной парадигме стихотворения – специфическое «разоблачение» героем обеих сторон границы. Действие двойной «инверсии» бытийных уровней (земное / небесное) стихотворения утверждает значимость авторской иронии и углубляет степень душевной двойственности героя: «*Ведать я не ведаю* божьи чудеса. / Только слышу: *вольные это голоса*» [3, с. 193]. Концептуальное подтверждение сделанным нами выводам содержится в стихотворении «Черета»: «Камень сверху оторвался – / Убыль верху, прибыль там, / Где раскат его раздался / По долинам и горам <...> / Так и все на этом свете, / И на всяком свете так: / Иссякают силы эти – / Восхождению новых – знак» [3, с. 193–194].

Очевидно, что лирический герой С. Городецкого исследует область земного бытия и божественные высоты, пребывая на границе – чаще всего в состоянии сна, пленения, забвения, смерти. Это, однако, не мешает герою наслаждаться противоречиями своего мировоззрения или убеждений, навязанных другими субъектами сознания, и говорит о нацеленности героя на игровое коммуникативное взаимодействие (УТСО), выраженное ФИСП: «*Как хорошо владыкой быть* / Не только *неба и цветов,* / Но *всех желаний, чувств и слов.* / *Как хорошо в себе носить* / *Всю власть,* носить в себе одном, / *Над телом, духом и умом.* / *Как хорошо рабыней стать* / *Того, кто все в себе несет,* / *Кто все дает и все берет*» [3, с. 216–217].

Одновременное положение в качестве *владыки* и *раба* тела, духа и ума, а также пребывание и в области небесного, и в области земного, указывают на двойственность мировоззрения лирического героя, что содействует активизации ФИСП. Уравниванию субъектов и объектов способ-

ствуется трижды обозначенная анафора *как хорошо*, подчеркивающая единство разных идейных приоритетов.

Стихотворение С. Клычкова «Образ Троеручицы» отражает неосинтез трех духовных путей человека (язычество, христианство, неохристианство). В процессе ценностной рефлексии в сознании лирического героя происходит уравнивание разных типов взаимодействия его души с сакральными силами. Наступает фаза смены коммуникативной стратегии в русле УТСО через ФИСП: «Три руки у Богородицы / В синий шелк одеты – / Три пути от них расходятся / По белому свету... / К морю синему – к веселию / Первый путь в начале... / В лес да к темным елям в келию – / Путь второй к печали. / Третий путь – нехоженный, / Взглянешь, и растает, / Кем куда проложенный, / То никто не знает» [6, с. 61].

В представленном фрагменте очевидно влияние фольклорной традиции: три пути сказочного героя, позиция перед судьбоносным выбором. С другой стороны, три пути связаны с христианской семантикой триединства. Отметим, что незнание героя (первичного субъекта сознания и речи) согласуется с неведением неизвестного *друга*, что также говорит о функционировании ФИСП. В сознании лирического героя *друг* становится одной из личных ипостасей, образом, который может обретать феминные черты посредством образа невесты (=души): «Вся она убрана кисеей венчальной; / На заре я рано прихожу печальный, / Рано из тумана прихожу к невесте, / Приношу, печальный, радостные вести» [6, с. 66].

Трепетное ожидание «возвышенной» смерти также вовлечено в чувственно-образную сферу эстетического мира лирики С. Клычкова, что является общим местом в поэзии русских поэтов XX в. Дополнительные конструкты *туман* и *печаль* задают эмоциональный тон образу *смерти*.

ИТСО (ВН и НН)→УТСО. Для лирического героя А. Блока небытие становится инобытием, что формирует пограничную субъектную организацию стихотворений: «Уже померкла ясность взора, / И *скрипка под смычок легла*, / И злая воля дирижера / По арфам ветер пронесла» [2, с. 350]; «Протяжный голос свой послал / В отчизну скрипок запредельных» [2, с. 354]; «Усыпленные жизнью струны / Напряженной, как арфа, души» [2, с. 360]; «И *скрипки, тая и слабея*, / Сдаются бешеным смычкам» [2, с. 356].

Мир скрипок (инобытие) и мир арфы (души) – обе стороны пограничной территории – испытывают воздействие «злой воли дирижера» (высшего субъекта сознания) и «бешеных смычков» как исполнителей этой воли. Стихотворения этого цикла демонстрируют намеренную губительность действий «дирижера» (ИТСО НН), что осознается лирическим героем, но при этом не отвергается. Для героя А. Блока сладостен момент искушений, испытаний, поражений (УТСО), что формирует ФИСП: «Не поднимай цветка: в нем *сладость* / *Забвенья* всех прошедших дней, / И вся *неистовая радость* / *Грядущей гибели твоей!*..» [2, с. 356]; «Что было любимо – *всё мимо, мимо...* / *Впереди – неизвестность пути...* / *Благословенно,*

неизгладимо, / Невозвратимо... прости!» [2, с. 371]; «Кто бы ни звал – не хочу / На суетливую нежность / Я променять безнадежность – / И, замыкаясь, молчу» [2, с. 373].

Пространственная граница здесь / там, на которой находится лирический герой, определена и в другом стихотворении А. Блока: «Старинные розы / Несу одинок, / В снега и в морозы, / И путь мой далек» [2, с. 340]. Вторичный субъект (*он*) выполняет функцию параллельного сознания (двойника) лирического героя, что указывает на сосуществование обеих сторон границы: «И той же тропой, / С мечом на плече, / Идет он за мною / В туманном плаще» [2, с. 340]. Как и в ранней лирике, будущее мыслится героем в облике обозримого настоящего, что выявляет ФИСП: «Идет он и знает, / Что снег уже смят, / Что там догорает / Последний закат, / Что нет мне исхода / Всю ночь напролет, / Что больше свобода / За мной не придет» [2, с. 340]. Очевидно преобразование ИТСО НН в УТСО, демонстрирующее межсубъектность коммуникативного строя стихотворения, опосредованную ФИСП.

Смещение философско-эстетических воззрений, повлиявшее на построение авторской коммуникативной стратегии (ИТСО→УТСО), проявлено в стихотворении С. Клычкова «Детство»: «Помню: филины кричали, / В темный лес я выходил, / *Бога строгого в печали / О несбыточном молил*» [6, с. 63]. Анализ фрагмента обнаруживает двойственность восприятия лирическим героем сакральных сил и дуализм субъекта его веры. Так, представленная амфиболия *строгого в печали* фиксирует *Бога строгого* (ИТСО ВН) или *Бога в печали* (ИТСО НН) и героя, который *в печали молил* (ИТСО ВН) или *в печали о несбыточном молил* (ИТСО НН). Очевидно действие ФИСП, что ликвидирует контролирующие возможности высшего субъекта сознания и создает иллюзию власти лирического героя: «*Помолюсь святой иконе / На соломе чердака, / Понесутся, словно кони, / Надо мною облака...*» [6, с. 63].

Желание покинуть иллюзорный сад связано у героя С. Клычкова с печалью: «*Печаль, печаль в моем саду, / Пришла тропой лесною... / А сад мой цвел во всем году, / Теперь завял весною...*» [6, с. 63]. С одной стороны, субъект сознания желает отыскать выход из сада, но с другой стороны, он счастлив, пребывая в тайном, печальном забвении: «*Я играю в гусли, сад мой стерегу, / Ах, мой сад не в поле, сад мой не в дугу, / Кто на свете счастлив? Счастлив, верно, я, / В тайный сад выходит горница моя*» [6, с. 66]. Такое смятение чувств, их дуализм связан с наличием в лирике С. Клычкова ФИСП, ведь первичный субъект сознания готов оправдать любое ожидание, если оно обещает желанную встречу с другом (вторичным субъектом сознания): «*Твердят: печаль – старик слепой! / Кого же я, счастливый, / Бродя поросшею тропой, / Так долго жду у ивы?»*» [6, с. 64] Благодаря антропоморфным характеристикам чувство печали обретает одушевленность. Объект сознания (*печаль*) обретает геройную ипостась и

меняет свой субъектный статус. Такая коммуникативная вариативность свидетельствует о наличии УТСО, игровых интенций.

ИТСО ВН→ВТСО→УТСО. Стихотворение «У оконницы моей...» С. Клычкова имеет сложную субъектную организацию, основанную на многосубъектности, переходящей посредством ФИСП в межсубъектность. Изначальный ИТСО преобразуется в ВТСО, а затем – в УТСО. Событийный ряд удален в область предполагаемого будущего: «У оконницы моей / Свищет старый соловей. / На поляне у ворот / Собирается народ. / Говорят, что поутру / Завтра рано я умру – / Месяц выкует из звезд / Надо мной высокий крест» [6, с. 71]. Ожидание лирического героя соединено в стихотворении с ожиданием народа, что делает всех субъектов сознания единым целым и связано с мотивом соборности (ИТСО ВН), переосмысленным в русле нового религиозного сознания эпохи рубежа веков (ВТСО → УТСО).

Смерть субъекта сознания обретает в третьей строфе семантику уже свершившегося факта, над которым герой размышляет с позиции за границей земного бытия: «Оттого-то вдоль полян / Плыл серебряный туман, / И звонили добела / На селе колокола» [6, с. 71]. Отметим, что на фиксированной пограничной территории (*поляна у ворот*) сталкиваются настоящее, будущее и прошлое героя, которые согласуются с авторским философско-эстетическим пониманием бытия, инобытия и небытия. Такая позиция лирического героя – свидетельство его межсубъектности, при которой он и наблюдатель, и участник событий, он и субъект сознания, и объект не только собственного сознания, но и сознания вторичных субъектов и объектов (*соловья, народа, месяца, колоколов*).

УТСО→ИТСО. Стремлением к субъектному уравниванию (УТСО) и реализацией ФИСП характеризуется структура одного из произведений А. Блока: «Вот Он – Христос – в цепях и розах – / За решеткой моей тюрьмы. / Вот Агнец Кроткий в белых ризах / Пришел и смотрит в окно тюрьмы» [1, с. 165]. И все же первичный субъект ищет «возврата» к ИТСО, что фигурирует в лирике А. Блока как аллюзия на библейскую притчу о блудном сыне. Герой понимает, что субъектный переход потребует смирения: «И все так близко и так далёко, / Что, стоя рядом, достичь нельзя, / И не постигнешь синего Ока, / Пока не станешь сам как стезя... / Пока такой же нищий не будешь, / Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг, / Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь, / И не поблекнешь, как мертвый знак» [1, с. 165].

Субъект сознания видит в смирении следствие душевной смерти, свидетельством чему становится образ *мертвого знака*. Тенденция к закреплению ИТСО присутствует в стихотворении, однако философско-эстетическая основа этого типа субъектной организации несет на себе отпечаток влияния УТСО, поэтому не реализуется в неизменном виде.

Отметим, что представленные виды вариаций субъектно-объектных отношений не являются единственно возможными при соединении разных типов субъектной организации. Однако факт регулярного смещения субь-

ектных и объектных границ подтверждает наличие в лирике начала XX в. ФИСП. Творчество каждого поэта фиксирует индивидуальные формы текстовой реализации и параметры функционирования этого феномена, что обусловлено спецификой мировоззрения, коммуникативного посыла, целевыми установками и др.

Коммуникативные стратегии, разработанные русскими поэтами начала XX в., меняли образную сферу их лирики, диктовали новые принципы символической самопрезентации лирического героя и картины мира, правила построения системы образов (символов, образов-предметов, параллелизмов, звуковых и колористических образов), отражающей функционирование ФИСП.

Библиографический список

1. Блок, А. А. Избранные сочинения / А. А. Блок ; вступ. ст. и сост. А. Туркова ; примеч. Р. Романовой ; ил. М. Рудакова. – М. : Художеств. лит., 1988. – 687 с.
2. Блок, А. Лирика. Поэмы : сборник / А. Блок. – М. : АСТ, 2015. – 480 с.
3. Городецкий, С. Избранные произведения : в 2 т. / С. Городецкий. – М. : Художеств. лит., 1987. – Т. 1 : Стихотворения / сост. В. П. Енишерлов ; вступ. ст. С. И. Машинского ; коммент. В. П. Енишерлова, Е. И. Прохорова. – 479 с.
4. Казарин, Ю. В. Поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ю. В. Казарин ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 36 с.
5. Казарин, Ю. В. Филологический анализ поэтического текста : учебник / Ю. В. Казарин. – 2-е изд. – М. : Акад. проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2004. – 432 с.
6. Клычков, С. Собрание сочинений : в 2 т. / С. Клычков ; сост., подгот. текста, коммент. М. Нике [и др.] ; предисл. Н. М. Солнцевой. – М. : Эллис Лак, 2000. – Т. 1 : Стихотворения ; Проза. – 541 с.
7. Локтевич, Е. В. О сущности феномена идейно-субъектной пограничности в русской лирике начала XX века (на материале поэзии А. Блока, С. Городецкого, С. Клычкова) / Е. В. Локтевич // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. 3, Лингвистика. – 2015. – Т. 12, № 3. – С. 78–84.